

200 лет назад умер Вольфганг Амадей,
великолепный конформист.

Здесь был МОЦАРТ

*Хорошо темперированные
заметки в до мажоре*

Дело явно катится к Рождеству, к засто-
лью. Пора собираться с рюкзаком в го-
род — за провиантом. А вдруг уйду и не
вернусь? Вдруг подстрелят бешеные и го-
лодные? Надо успеть сказать последнее
слово подсудимого, раз уж взят с почи-
ным на родине, то есть на месте своего не-
известного преступления.

Внешним поёмом урывает берега. С двух
сторон горит свеча, коли вспыхнула. Во-
дяно на дворе. Вроде бы ничего общего? А
ведь такая же гадкая погода стояла две-
сти лет назад в Вене, 6 декабря 1791 года,
когда в тамошнем соборе святого Стефа-
на отпевали придворного музыканта Во-
льфганга Амадея Моцарта. Отпевали,
кстати, как нас отпеют, — по третьему раз-
ряду, за пару гульденов. Но только ли в
совпавшей мизеральности наших фина-
лов повод? Почему приходит на ум Мо-
царт? Мэсон в белом камзоле и золотых
башмаках.

Якобы за гробом маэстро только кучка
знакомцев вилась, да и те до погоста не
дошли, даже и жена Констанца. Тело
свернули в холщовку и зашвырнули в об-
щую братскую могилу, как следует из эк-
ранизации Формана «Амадей». Сик тран-
зит, дескать, gloria мунди. Нарочитая
трагичность! Просто по указу императора
Леопольда II, ввиду свирепой эпидемии
черной оспы, предписывалось погребение
без близких, дабы избежать заражения,
«в полотняном мешке, без гроба, в общей
могиле, а памятники ставить только с
внешней стороны, за оградой». Так что по-
хоронили Амадея вполне в духе времени.
Был ли композитор отравлен? Светила-
медики сходятся на ревматической приро-
де его заболевания. Хотя капельмейстер
Антонио Сальери на старости лет сошел с
ума, перерезал себе горло и хрипел, что
это именно он отравил Моцарта. Возмо-
жно, мечтал о том, но наверняка не совер-
шал, оставим эту версию поэтам. Что же
получается за вычетом необоснованных
трагедий? А получается, что жил-был лег-
кий гений, понаписал немало прекрасной
музыки и умер относительно молодым,
как положено гению. Посмертная слава,
само собой. В общем, спокойная, обосно-
ванная биография, что и восторгает.

Теперь о нас: скованы наши члены и че-
люсти. Унылы наши думы и времяпрепро-
вождения. Помню, сидели с другом в На-
ходке, подходит к нам классический тихо-
океанский бич, в котурнах на босу ногу:
«Мужики, где здесь выпить можно?» «Вон
там, на холмах, пиво китайское», — руками
замахали мы. Обиделся. «Вы что, мужи-
ки? Какое пиво? Мне надо выпить по-тя-
желому». Вот оно, ключевое: «по-тяжелому».
Пить по-тяжелому, любить по-тяже-
лому, вообще — жить по-тяжелому. Закон
тяготения — главный русский закон.
Страна вечнобеременных, отяжелевших

женщин и груженых зилоподобных муж-
чин. А ночью над нашим домом снова про-
летали тяжелые бомбардировщики. Стре-
ляла царь-пушка, бетонная родина-мать
звала, и выпадал тяжелый стронций. Все
измеряется только на вес, а бурлаки все-
гда в фаворе. Взявши непомерную 1/6 су-
ши, мы стоим уже по пояс в почве, но это
скифская культура — культуризм, стиль
а-ля любер-аллес. Как неизменны в наших
парках дискоболы! И гераклы в тамбурах
последних электричек! Школа Сизифа, эк-
замен по спорнату. Мы либо сопротивля-
емся: пространству, времени, самим себе.
Либо убегаем: в запой, в Штаты, в семью,
в бизнес, в храм, в брахман.
Ветераны игр доброй воли мы. Вечнопав-
шие, но и вечноживые. Мы — голубь мира
с кровавым орлиным клювом.

Теперь о Моцарте. Он — это соучастие и
сотрудничество с миром, это азартные за-
ходы во все лабиринты жизни, это внима-
тельное отношение к обстоятельствам на-
стоящего времени. Он вникал в цены, он
писал Констанце, что 100 фридрихсдор-
фов составляют 700 гульденов, а на мень-
шее он не согласен. Он имел шесть душ
детей, из которых отца пережили двое;
умел льстить королям и принцессам и
охотно посвящал свои концерты жестоким
Габсбургам. По новейшей терминологии,
Моцарт не был в жизни диссидентом, но
великолепным конформистом! Поэтому он
играл не на «стареных скрипках», а на
дорогих инструментах играл и получал
ежемесячно от императора 800 гульденов,
вовсе не так уж плохо. Был в долгах, да,
много тратил, ценил дорогое, добротное,
изящное. Пил хорошие вина и ел делика-
тесы. И правильно делал! Учитесь прода-
вать свой талант, умеете устраиваться в
жизни — и вы убедитесь, что никаких по-
водов для отчаяния нет. Скулы сами со-
бой разожмутся, из чрева вякнет приятная
сытая отрыжка.

Но остальных убеждайте в романтических
прелестях честности и нищеты. Дураки до-
верчивы, а благ на всех не хватит... Но
ежели закорешиться с внешним миром и с
сильными мира сего, то получается хоро-
ший навар. Кажется, Моцарт породнен со
своим веком, как с крестным отцом. При
всем присутствовал, со всеми знаком. 29
октября 1787 года на премьере своего
«Дон Жуана» в Праге он запанибрата бе-
седует с самим Джакомо Казановой, жи-
вым прототипом героя оперы. Ну все рав-
но, как Шекспир бы общался с Гамлетом.
Джакомо уже староват, он предлагает Мо-
царту насытить либретто фразочками ти-
па «сожру твою душу», «выпотрошу твои
внутренности», «собачья смерть», «подве-
шу за яйца на эшафоте», но Вольфганг
Амадей обходитя всего одним аккордом
до мажор с могучим крещендо, махом за-
вершая долгую тжбу природы и человека
путем их аншлюса. Какие еще могут быть
тжбы, когда они заодно? Бессмысленно
пенять на отсутствие варежек, денег или
майонеза. Это твои проблемы, возьми и
сделай! Тачай, шей, мастера, реализуй
старые рецепты. И разве ж триумф Мо-
царта только на неумеренной его гениаль-
ности ставлен? Да просто он с пяти лет
вкляывал (спасибо папаше Леопольду) и
стал мастером. А Божий дар к чему попа-
ло не прилипает. Как-то по пьянке в при-
сутствии женщин Моцарт вызвал Сальери
на музыкальную дуэль: кто быстрее сочи-
нит новую мелодию? Марш, канцона, сере-
нада легко проистекли из-под пальцев
Амадея. Сальери же сразу залуптал в гар-
монии, сбился с ритма и зло захлопнул
крышку клавиесина: «Для творчества нуж-
на тишина!» Не тишина нужна, г-н Салье-
ри, а нечего засиживаться по ночам с при-
мадоннами, когда вон Моцарт пашет дома
на клавишных без продыха, аптекарски
вымеряя дозировку минора и мажора.
Весь фокус в их одновременности, чтоб
каждая нота скользила в обеих тональ-
ностях. Так вытравливают жалобы и обиды.

Так приручают ландшафты и снимают зву-
ковые слепки с пейзажей. Так на неодо-
швенном оставляют свои автографы и
отпечатки: «Здесь был такой-то». При чем
тут гений? Моцарт ходит на футбол, охот-
но смотрит телевизор и выпивает с румя-
ными чашками в тавернах. Однажды он
заглянул в особняк семейства Андре, за-
стал там танцующую компанию, тут же от-
бил себе самую красивую танцовку, фаль-
цовщицу из книгопечатни Андре, а та
«прекраснейшая фальцовщица» потом
всю жизнь хвастала, что ее пригласил на
танец сам великий Моцарт. Искусство от-
брасывать легенды. Техника спарринга с
простонародьем. Весьма скабрзные эпи-
столы слал своей «ненаглядной женьушке»
Моцарт, не брезгуя заборным словом,
грубым юмором. Вообще музыка его уди-
вительно разлагающая, растлевающая и
разрашающая по причине звукового изли-
шества, люфта, обжорства. Звуки прово-
цируют фантазию, а где фантазия, там уж
прощай унылый религиозный аскетизм и
моральная дисциплина. Мир, не встречая
сопротивления, теряет свежесть и неве-
стом парит не пойми в чем. Потому что
уравнены небо и земля, плоть и дух. А
ты — воздух!

Итак, концерт ре минор, концерт до ми-
нор, «Свадьба Фигаро», «Дон Жуан»,
«Волшебная флейта», Концертная симфо-
ния, Симфония соль минор (она же 40-я),
«Маленькая ночная серенада», «Рекви-
ем», черное пиво «Гиннес», Фредди Мер-
кури, Ким Бессинджер, доллары, японские
тачки, Александр Вертинский, француз-
ский сыр, офсетная печать, Суздаль,
Петербург, Крым в августе, Новый год, левые
деньги, Запад, работа ранним утром, чер-
ные чернила, Екатерина II... О, привет-
ствую вас! Слава, слава, слава!
Лев Толстой, Вагнер, Солженицын, Невзо-
ров, Валерий Леонтьев, Восток, водка,
Христос, Кришна, Магомет, Горбачев, Ель-
цин, бедность, вокальные чебуреки, оче-
редь, бухгалтерия, рубли, «Запорожец»,
«Независимая газета», «Правда», глина
на асфальте, Москва, антисемиты, сиони-
сты, коммунисты, демократы, Столыпин,
национальный вопрос, МММ, рабыня Изау-
ра... Пошли вы все в баню! Фу, брр, бе-е...

Расслабьтесь, мужики и бабы. Хватит де-
лать вид, что вы поддерживаете миро-
здание! Можно убрать плечо — оно уже не
упадет. Сколько было кто ни старался, мы
все равно будем жить счастливо и умрем в
один день. Так что лучше займитесь ка-
ким-нибудь полезным делом. Копите ве-
щественные доказательства своего при-
сутствия на земле. Вон хотя бы на ту от-
весную стену вскарабкайся и напиши
«Здесь был я». Но обязательно надежной
белой краской собственного производ-
ства, чтоб не стереть никакими русскими
азотными тяжелыми дождями. И чтобы
полный до мажор, понял?

Игорь Мартынов.